В. Г. БАЗАНОВ

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

(К спорам о Державине и Карамзине)

При всех достижениях дореволюционной литературоведческой науки нельзя не признать, что русская литература XVIII в. долгое время оставалась во многом не проясненной и даже затемненной теорией «ложного классицизма». Дореволюционная академическая наука оставила нам довольно одностороннее и поверхностное представление о XVIII в., накрепко привязав почти всю литературу этой эпохи к официальной самодержавной идеологии. Не разобравшись в художественном и идейном своеобразии русского классицизма, в его национальных истоках, дореволюционные ученые не проявили должного внимания к другим идеологическим и художественным направлениям и течениям, соседствовавшим с классицизмом. Статьи Белинского, Добролюбова и Плеханова — это лучшее, что нам досталось из научной и общественной мысли прошлого о литературе XVIII в. Но высказывания их имели по преимуществу эпизодический характер, они не ставили своей задачей охватить всю литературу XVIII в. во всем ее многообразии. Для этого не было и объективных предпосылок: многое было неизвестно, не издано, а главное — отсутствовало историко-материалистическое объяснение социальных процессов той поры. Потребовалось время, чтобы XVIII век предстал перед нами во всей сложности и во всем его своеобразии. Это был век крутых переломов, крайностей, контрастов — и в социальной жизни, и в эстетике, отражавшей эту жизнь.

За последнее время советские ученые значительно расширили наши представления о литературе классицизма, вернее о литературе XVIII в., соединявшей, часто еще эклектически, элементы разных художественных стилей. Некоторые ученые сомневаются в существовании русского классицизма как само-

стоятельного литературного направления. Действительно, догматическая теория классицизма и художественная практика крупнейших писателей XVIII в. далеко не всегда находились в согласии. Часто сама поэзия взламывала эстетику классицизма, выдвигала более сложное решение жизненно важных проблем, отчасти реалистическое и психологическое.

Осложнение классицизма в России шло со стороны барокко с его ярким метафорическим стилем, придававшим особое значение зрительным впечатлениям и красочным обозначениям. И Ломоносов и Державин если не полностью, то наполовину барочные поэты, стиль их поэзии клонится в сторону барокко. Рационализированное барокко еще нуждается в изучении, если учесть его национальное своеобразие и возможные контакты с классицизмом и романтизмом.

Три десятилетия тому назад мы еще были способны приписывать классицизму свойства, которыми он не обладал. Желая утвердить своеобразие русского классицизма, его демократизм, объяснить реалистические элементы, историки литературы выдвинули версию о двух типах классицизма: официальном классицизме и народном классицизме. Мне представляется, что понятие «народный классицизм» можно с ограничениями и оговорками распространить на фольклор, на отдельные жанры фольклора, в частности на былины и исторические песни. В литературе же был один и единственный классицизм как стиль и метод эпохи дворянского абсолютизма. Ведущий стиль эпохи претерпевал вместе с ходом самой истории внутренние изменения, однако при этом не терял своей основной идеологической направленности. Русская действительность вносила свои поправки, способствовала вызреванию в недрах классицизма других литературных направлений, в частности сентиментализма и в известной мере романтизма. Но именно здесь требуется от историков литературы хорошая осторожность. Между тем когда речь заходит о новых литературных направлениях и множестве художественных методов, литературоведы за последние годы усилили массированные атаки на классицизм. Судя по некоторым учебникам литературы и отдельным статьям, писатели XVIII в. только и делают, что «преодолевают», «взрывают» и «разрушают» классицизм. В действительности все было куда сложнее. Классицизм не был таким хилым стариком и не собирался уходить безропотно с поля боя. Даже война романтиков с классицизмом в начале XIX в. не привела к его полному ниспровержению. Крылов и Грибоедов, Пушкин и декабристы находили в классицизме много ценного, способствовавшего созданию общественно значительной и самобытной литературы.

В русской поэзии XVIII в. были накоплены элементы, которые Пушкин и декабристы развернули в жанрах более частного и специального значения. Так, декабристская поэзия берет у XVIII в. рационалистическое представление о высоком в искусстве, и одновременно она не чуждается завоеваний сентиментализма. Как это ни парадоксально, но русский гражданский романтизм по-своему ценил и барокко и классицизм, их общий размах, энергию стиха. Возможно, что здесь сказывается и более древняя традиция, идущая от «Слова о полку Игореве», от похвальных песен, гимнической и псалмодической поэзии. И у Рылеева, и у Раевского, и у Пушкина наблюдается известная преемственность от витийственных ораторских приемов минувшего столетия; с поэзией XVIII в. их роднят и общие заботы об интересах государства и народа, и историческое предание, и национальная героика.

Рационализм в художественном мышлении, нормативность в эстетике постепенно сменяются поисками индивидуального. Именно на этом пути, на пути более частном, на пути изображения личных переживаний, осложненных и рефлексией и сомнениями, ожидали русскую поэзию на заре XIX в. наиболее значительные победы.

Когда Белинский сравнивал поэзию Пушкина с Волгой, он имел в виду многочисленные притоки Волги, начиная с лесной и мелководной Унжи. В поэтическую пушкинскую Волгу действительно вливаются в преображенном виде многие реки русской поэзии. Здесь и Ока с ее родниковой, незамутненной, не покрытой тиной подражательности, народной поэзией (к этому «роднику» в XX в. припадала певучая поэзия Сергея Есенина). Здесь и разбойничья Кама, берущая свое начало среди каменистых и возвышенных скал уральского предгорья, где начинается XVIII век с его раскольниками, приписными крестьянами, демидовскими заводами и Пугачевским восстанием.

Пушкину был дорог весь предшествующий опыт русской и западноевропейской художественной мысли и опыт самой истории со всеми ее превратностями. Поэзия Пушкина объединяет и перерабатывает все лучшее, что было создано до него. В этом смысле великий поэт является внимательным учеником своих предшественников, в частности Державина.

И Карамзин, и Державин стоят на рубеже новой русской литературы, они как бы соединяют два века, поэтому и творчество их невозможно рассматривать в пределах эстетических и идейных проблем одного столетия, они рядом с Пушкиным и декабристами, их предшественники, в чем-то союзники и в чем-то антагонисты. Как бы по-своему ни был велик Карамзин, не

следует упускать из виду те глубочайшие различия, которые отделяли Карамзина от Радищева, декабристов и Пушкина. При всей почтительности перед традициями прошлого все же нельзя забывать, что и русский классицизм и сентиментализм Карамзина не порывали с официальной самодержавной Россией, несмотря на отдельные обличения, критические речи и либеральное нравоучительство. Об этом приходится говорить потому, что, резко осуждая вульгарный социологизм, мы порой начинаем забывать о разумной социологии, о классовой борьбе в литературе, об идейных позициях писателя. Ясно, что Карамзин не должен отвечать за своих многочисленных подражателей, в частности за князя Шаликова. Роль Карамзина в истории русского литературного языка чрезвычайно велика. Но у него были принципиальные противники, и они не ошибались, не грешили перед историей, когда указывали на замкнутость, камерность карамзинского сентиментализма. Если иметь в виду Карамзина — поэта и беллетриста со всем кругом его литературных последователей, то и Карамзин, и карамзинисты все же очень часто удалялись в область частных интересов дворянства. Карамзинизм в литературе — явление противоречивое, и, видимо, наша задача в дальнейшем объективно разобраться в пестром идейном и художественном наследии самого Карамзина.

Державин тоже считал революционную борьбу своеобразной смутой, но в поэзии он и сам был великим смутьяном. Нужно было быть действительно самобытным поэтом и достаточно демократичным человеком, чтобы сто шестьдесят лет тому назад в далеко не лучших, даже несколько грубоватых стихах так по-народному смело изображать деревню, гуляющую и пьющую («Крестьянский праздник»). Это не просто праздничная картина. Державин признает живописную реальность в качестве полноценного предмета искусства. Современники Державина с их привычкой к художественному иносказанию могли бы сетовать, что чистый смысл, чистая философия в его стихотворениях испорчены чересчур наглядными картинами, чересчур плотскими изображениями:

Где все молодки с молодцами,
Под балалайками, гудками,
С парнями, с девками поют...
. . . . . .
Гуляйте, бороды с усами,
Купайтесь по уши в чанах...
. . . . . .
Но только, встав поутру рано,
Перекрестите шумный лоб,
Умыв водой лицо багряно;
С похмелья чару водки троп —

Уж не влекитесь больше к пьянству,
Здоровью вредну, христианству
И разорительну всем вам...

Здесь же крестьяне-воины, храбрые защитники своего отечества. И так запросто, без всякого сентиментальничанья говорит об этом поэт, переселившись из Екатерининского дворца в деревню:

Но вы не трусы ведь, ребята,
Штыками ваша грудь рогата;
В милицьи гаркнете: ура!
Ура, российские крестьяне,
В труде и в бое молодцы!..
. . . . . .
Вселенну кулаком тряхнете,
Жить славой будете в веках.[1]

Это по-настоящему державинские стихи. «Штыками ваша грудь рогата» и «Вселенну кулаком тряхнете» — так в ту пору мог сказать, вернее «гаркнуть» в поэзии только Гаврила Романович. Громкие стихи, причем простые «российские крестьяне» создают эту громкость, возвышенность. Они наравне с полководцами и царями. Существенная черта в поэзии Державина — всякий образ выводить в его самостоятельном значении и лишь потом дополнительно давать ему эмблематическое толкование. Как воспитанник рационализма, он по-своему дает оправдание своим наклонностям реалиста и живописателя: у него даже весьма конкретный образ с красками местности, локальной природой, с деревенскими гуляниями удостаивается, так сказать, быть пожалованным в символы, быть приобщенным к высокой поэзии.

В смелости изображения, в мужественном, полном энергии стихе, в чувстве реальной полноты живого слова состоит главное достоинство и отличительная черта поэзии Державина. Вместе с тем Державин настойчиво приковывает наше внимание к одной и той же картине: люди свергаются, подобно водопаду, с высот счастья. Державин всюду напоминает о грандиозном образе смерти, стоящей за всеми его эпикурейскими тезисами. Поэт просматривает судьбы человеческие, судьбы нравственные, судьбы исторических героев, указывает на скоротечную славу и восклицает:

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

---

[1] Г. Р. Державин, Стихотворения. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1957, стр. 325—326.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы! [2]

Это последнее стихотворение Державина, написанное старческой дрожащей рукой, тем и показательно, что образ «реки времен», как и водопада, является эмблемой не только судьбы, скоротечности всего существующего, но и эмблемой вечного движения. Поэт неровный, но огромного и неподражаемого дарования, тончайший лирик, живописец, громозвучный оратор, энергичный и мужественный стихотворец.

Советские ученые много сделали, чтобы русская литература XVIII в. была изучена в разных аспектах, чтобы не были забыты демократические писатели.

Нужно было накопить огромный жизненный материал, а главное вникнуть в существо социальных противоречий, угадать дух самой истории, прежде всего народных движений, чтобы отказаться от привычных рационалистических схем и перейти к сложным построениям, к созданию концепции революционно развивающейся действительности. Это удалось в то время одному Радищеву. Только ему. Крестьянские восстания, несмотря на свой трагизм, подрывали авторитет самодержавной власти и способствовали возникновению просветительских и революционных идей в литературе и публицистике.

Изучение просветительства второй половины XVIII в. и его связей с национальной и западноевропейской историей — проблема чрезвычайно актуальная. Не случайно сейчас к ней приковано внимание историков, философов и литературоведов. Значение просветительской идеологии в формировании передовых взглядов и убеждений русских писателей XVIII в. не вызывает сомнений.[3]

Заслуга советских ученых последнего времени состоит именно в том, что они литературу XVIII в. рассматривают в широких связях с философией и эстетикой западноевропейского Просвещения. Однако едва ли можно завоевания русских

[2] Там же, стр. 360.

[3] Нельзя только слишком бурно приветствовать массовое отлучение писателей XVIII в. от господствовавшей дворянской идеологии. Как будто многие из них не слагали в честь Екатерины II хвалебных од и гимнов, сознательно не проповедовали теорию дворянского абсолютизма? Мы иногда в политических проектах (довольно умеренных, например князя Щербатова) и в замысловатых дидактических иносказаниях (тоже политически умеренных) вычитываем и то, что в них отсутствует. В результате легенда о полном одиночестве Радищева преодолевается, но преодолевается порой с помощью сомнительных его идейных союзников.

просветителей в области идеологии механически переносить на художественную практику, начинать русский реализм с просветительской литературы или с литературы, основным признаком которой был наивный художественный эмпиризм. Всякое большое искусство в какой-то степени отражает реальные противоречия жизни, стремится к правдоподобию. Но предыстория реализма еще не есть сам реализм.

Если проблема архаистов и новаторов достаточно полно освещена в науке о литературном языке, в частности в трудах академика В. В. Виноградова, то этого нельзя сказать о литературных стилях, несмотря на известную работу Ю. Н. Тынянова. Видимо, задача состоит не в том, чтобы бесконечно расширять родословную реализма, а более внимательно разобраться в художественной и идейной специфике других литературных стилей и направлений, предшествовавших реализму.